

В. П. ЖУКОВ

О ЗНАКОВОСТИ КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Сложность и многоаспектность выдвигаемой проблемы побуждает нас прежде всего высказать свое отношение к таким понятиям, как фразеологизм и компонент. Без определения этих коренных понятий (разумеется, соответствующие определения являются «рабочими» и не претендуют на всеобщее признание) трудно или вовсе невозможно быть однозначно понятым.

Под фразеологизмом условимся понимать устойчивую раздельнооформленную единицу языка, наделенную целостным (или частично целостным) значением и в коммуникативном отношении не составляющую законченного предложения. Фразеологизм, с нашей точки зрения, начинается там, где заканчивается семантическая реализация его компонентов.

Компонент — это составная часть фразеологизма, лишенная основных признаков слова: компоненты в составе фразеологизма лишены отдельного лексического, словообразовательного и грамматического значения, не способны к самостоятельному существованию в качестве членов предложения (живые синтаксические связи между компонентами ослаблены или вовсе утрачены), лишены сочетательных свойств слова (по отношению к другим словам предложения фразеологизм употребляется как неделимое целое), а также смыслового использования в речи (этой способностью наделен фразеологизм в целом). Компонент — это деактуализованное слово.

Необходимо отметить, что компонент фразеологизма, с одной стороны, и слово с фразеологически связанным значением, с другой, — качественно разные, несоизмеримые языковые образования. Слово с фразеологически связанным значением, подобно словам свободного употребления, входит в лексико-семантическую систему языка, вступая в парадигматические связи и отношения с другими лексическими единицами. Так, в «Словаре омонимов русского языка» приводятся примеры омонимического противопоставления слов полного значения словам с фразеологически связанным значением: ср. *пороть (кого)* — *пороть шалуна* и *пороть (что)* — *пороть чепуху, чушь, вздор*¹. В свою очередь слово с фразеологически связанным значением *пороть* (в составе фразеологического сочетания *пороть чепуху*) вступает в синонимическую связь с другим фразеологически связанным словом *болтать*, которое семантически реализуется в составе фразеологического сочетания *болтать чепуху*.

Таким образом, слово с фразеологически связанным значением способно вступать на лексико-семантическом уровне в парадигматические отношения и сочетаться в линейной последовательности с другими словами. Такие свойства чужды компонентам фразеологизма.

Всякий знак, как известно, содержит условное и социально закрепленное за ним свойство указывать на нечто, лежащее вне его. Знак отвечает

¹ См.: О. С. А х м а н о в а, Словарь омонимов русского языка, М., 1974, стр. 240.

двум условиям: а) обозначение чего-то находящегося вне его; б) общественная «наделенность» свойством этого обозначения»².

Хотя сам по себе знак (если придерживаться концепции односторонности его³) не представляет собой единства звучания и значения (этим качеством надделено слово), тем не менее ему социально приписано то или иное значение. Следовательно, знаком следует признать звуковые оболочки таких единиц языковой системы, которые способны обозначать что-либо, находящееся вне их. Таким свойством обозначения, как показывает исследование В. М. Солнцева, надделены слова и морфемы⁴. Первые обладают лексическим значением, вторые — деривационным.

Возникает вопрос: способны ли обозначать что-либо компоненты фразеологизма и является ли собственное значение компонентов минимально достаточным, чтобы признать их знаками?

Компоненты фразеологизмов в семантическом отношении изучены крайне слабо. Одни лингвисты считают, что значение слова растворяется в общем смысле фразеологизма и поэтому определить опытным путем семантическую ценность компонента невозможно. По мнению других, компоненты являются подлинными словами, так что слово внутри фразеологизма и за его пределами не претерпевает каких-либо качественных изменений, остается самим собой. Наконец, отдельные ученые полагают, что семантическая самостоятельность компонентов зависит от типа фразеологических единиц: в структуре одних фразеологизмов компоненты перестают быть словами, а в структуре других не теряют своих словесных качеств. Такой точки зрения придерживался В. В. Виноградов.

Представляется, что компоненты подлинных фразеологизмов лишены семантической самостоятельности и, следовательно, не обладают лексическим значением вследствие своей деактуализации.

Причина семантической и грамматической деактуализации компонентов кроется в том, что они порознь и вместе теряют денотативную (предметную) направленность. С момента своего образования фразеологизм всем своим лексическим составом начинает отражать такую внеязыковую действительность (предметы, явления, события, действия, свойства, представления и т. п.), с которой потеряли (полностью или частично) связь сами по себе компоненты. Вследствие такой семантической переориентации компоненты утрачивают семантическую соотнесенность с соответствующими словами свободного употребления. Так, фразеологизм *смастывать удочки* в современном русском языке имеет такие значения: 1) ирон. «поспешно удалиться, уходить, отступать и т. п.» и 2) «кончать что-либо». Ни в одном из своих частных значений этот фразеологизм не соотносится со смысловой структурой слов свободного употребления *смастывать* и *удочки*.

Несмотря на то, что компоненты фразеологизма в силу своей деактуализации лишены основных признаков слова, они так или иначе участвуют в образовании фразеологического значения. Вследствие этого они надделены некоторой долей семантической самостоятельности.

Прежде всего у большинства фразеологизмов легко выделяется грамматически господствующий компонент, который предсказывает их лексико-грамматическое (категориальное) значение. У глагольных фразеоло-

² В. М. Солнцев, *Язык как системно-структурное образование*, М., 1971, стр. 112.

³ К идее расщепления двусторонней целостности лингвистического знака, правда, на почве процедуры психоаналитического сеанса, приходит, например, французский психолог Жак Лакан. См.: Н. С. А в т о н о м о в а, *Психоаналитическая концепция Жака Лакана*, ВФ, 1973. 11.

⁴ В. М. Солнцев, *указ. соч.*, стр. 113 и сл.

гизмов таким опорным компонентом служит глагол, у именных — имя существительное, у адъективных — имя прилагательное и т. д. При этом лексико-грамматическое значение у соответствующих фразеологизмов обнаруживается независимо от степени спаянности компонентов и характера мотивировки фразеологизма. У фразеологизма с целостным немотивированным значением *стирать очки* и у фразеологизмов с прозрачной внутренней формой типа *закрывать глаза* (на что), *замазывать рот* (кому чем), *замечать следы* и т. д. соответственно глаголы *стирать*, *закрывать*, *замазывать*, *замечать* с одинаковой степенью вероятности сигнализируют о лексико-грамматическом значении процессуальности у названных фразеологизмов.

Кстати сказать, глагольные компоненты в аналогичных случаях функционально сближаются с теми морфемами, которые предсказывают лексико-грамматическое значение глагольности. Так, звуковой отрезок *писа-* не указывает на лексико-грамматическое значение процессуальности; такое указание исходит из аффикса *-ть*. Этот аффикс служит п о к а з а т е л е м, но не носителем категориального значения. Носителем такого значения является слово в целом. Равным образом грамматически опорный компонент (глагольный, именной и т. п.) лишь сигнализирует о наличии соответствующего категориального значения, реальным (а не формальным!) носителем которого служит фразеологическая единица в полном объеме. Показателен тот факт, что грамматически господствующий компонент фразеологизмов типа *у черта на куличках* трудно или невозможно определить, но это обстоятельство не ведет к исчезновению категориального значения у соответствующих фразеологизмов. Это значение в таком случае выявляется синтаксически.

Лексико-грамматическое значение не затрагивает индивидуальных семантических особенностей фразеологизма (или слова), так как характеризует целый класс однородных в лексико-грамматическом отношении единиц (семантическая индивидуальность слова или фразеологизма обнаруживается в наборе дифференциальных семантических признаков или сем⁵).

В силу этих обстоятельств категориальное значение с и с т е м н о объединяет фразеологизмы (или слова) в один разряд, выступая в качестве специфического общего элемента фразеологического (или лексического) значения.

Сказанное позволяет заключить, что грамматически опорный компонент выполняет различительную (дистинктивную) знаковую функцию⁶, позволяющую отличать его от других компонентов, которые не указывают на лексико-грамматическое (категориальное) значение всего фразеологизма.

В структуре фразеологической единицы нередко выделяются такие компоненты, которые сигнализируют о стилистической окраске фразеологизма. Так, в составе фразеологизма *воротить нос* стилистически отмеченным оказывается компонент *воротить*, предсказывающий стилистически сниженную тональность фразеологизма. Легко заметить, что и слово свободного употребления *воротить* «поворачивать, отворачивать» имеет грубовато-сниженное содержание⁷. Тем не менее общее значение фразео-

⁵ См., например: Д. Н. Шмелев, Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; М. Д. Степанова, Методы синхронного анализа лексики, М., 1968, стр. 145.

⁶ О дистинктивной функции знака см.: Ю. С. Маслов, Знаковая теория языка, сб. «Вопросы общего языкознания», Л., 1967 («Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена»), 354), стр. 111.

⁷ С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1963, стр. 94.

логизма *воротить нос* «относиться к кому-либо с презрением, пренебрежением», семантически не соотносится с глаголом *воротить* в свободном употреблении. Следовательно, стилистическая окраска во фразеологизме (или слове) проявляется независимо от его понятийного, предметно-логического значения.

В подавляющей части случаев, однако, сами по себе компоненты не влияют на стилистическую тональность фразеологизма. Стилистическая окраска (возвышенная или сниженная) возникает обычно в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний такого же лексического наполнения, например: *закидывать удочку* (разг.), *набивать карман* (разг.), *набрать в рот воды* (прост.), *направо и налево* (разг.) и мн. др. В составе аналогичных свободных словосочетаний все слова имеют стилистически нейтральную окраску.

Так как стилистическая окраска лишь наслаивается, накладывается на основное, предметно-логическое значение фразеологизма (или слова)⁸, то стилистически маркированные компоненты не выполняют собственно знаковой функции.

Многим фразеологизмам русского языка присуще явление вариантности, которое характерно в основном для фразеологизмов, не утративших внутренней формы⁹. В составе таких фразеологизмов варьируемые компоненты обнаруживают некоторую семантическую соотнесенность со словами свободного употребления. Дело в том, что варьируются, как правило, такие компоненты, которые образованы от слов, находящихся между собой в отношениях синонимии: *сражаться* (*воевать*) с *мельницами*, *выбрасывать* (*выкидывать*) *за борт*, *бить* (*ударять*) *по рукам* и т. д. Нетрудно заметить, что слова свободного употребления *сражаться* и *воевать*, *выбрасывать* и *выкидывать*, *бить* и *ударять* явственно обнаруживают семантическое сходство, принадлежат к одной и той же части речи и являются лексическими синонимами.

Вариантность фразеологических единиц — явление семантического порядка. Связано оно непосредственно с проблемой тождества и различия фразеологизма¹⁰. Если при замене одного компонента другим меняется внутренняя форма (ср. *считать ворон* и *считать звезды*), то в подобных случаях возникают фразеологические синонимы, а не варианты одной и той же фразеологической единицы¹¹; напротив, если замена компонентов не приводит к изменению образного представления (внутренней формы), то в таких случаях налицо вариантность фразеологизма (ср. *выбрасывать за борт* и *выкидывать за борт*). Возможны и явления промежуточного (гибридного) характера (ср. *как с неба свалиться* и *как с луны свалиться*).

Однако отношения между варьируемыми переменными компонентами фразеологизма семантически не повторяют тех отношений, которые устанавливаются между однозвучными словами полного значения. В противном случае варьируемые компоненты, например, *бить* и *ударять* внутри фразеологизма *бить по рукам* «заключать торговую сделку» и соответствующие глаголы в составе свободного словосочетания *бить (ударять) по рукам* обозначали бы одно и то же. Семантическая несовместимость вызвана тем, что в структуре подобных фразеологизмов собственное значение

⁸ О. С. А х м а н о в а, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр. 285.

⁹ В. П. Ж у к о в, Фразеологизмы с переменным составом компонентов в русском языке, сб. «Материалы конференции северного зонального объединения кафедр русского языка пединститутов 1962 года», Л., 1965.

¹⁰ Здесь мы оставляем в стороне вопрос о генезисе этого явления. См. отчасти об этом: М. Ф. П а л е в с к а я, Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в., Кишинев, 1972, стр. 11 и сл.

¹¹ См., например: А. И. Ф е д о р о в, Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX в., Новосибирск, 1973, стр. 20.

переменных компонентов как бы размывается, растворяется в общем (целостном) значении фразеологизма. Не случайно в разных фразеологизмах могут варьироваться одни и те же компоненты: ср. *бить (ударять) по карману* и *бить (ударять) по рукам*; *братъ за горло (злотку)*, *смочить горло (злотку)* и *оставать на горло (злотку)* и мн. др.

Сказанное позволяет сделать вывод, что варьируемые компоненты в силу целостности значения фразеологизма не обладают такой семантической величиной, чтобы служить средством передачи информации о чем-то, находящемся вне их.

Особое место в фразеологической системе принадлежит фразеологизмам, в составе которых компонент (компоненты) восходит к словам с производной основой. Как показывают наблюдения, в абсолютном большинстве случаев словообразовательные аффиксы в структуре фразеологизма десемантизируются, утрачивая присущее им значение, так что фразеологическое значение, в отличие от лексического, как правило, не осложняется деривационным значением¹². Причина десемантизации морфем кроется в том, что они представляют собой всего лишь значимую часть слова, которое в свою очередь в структуре фразеологизма само подвергается семантической деактуализации.

Но не всегда морфемы без остатка поглощаются общим значением фразеологизма¹³.

Встречаются единичные случаи, когда реальное значение морфем еще не утрачено. Так, в современном русском языке в составе отдельных глагольных фразеологизмов некоторые приставки удерживают свое значение. Не утратила, например, оттенок начинательности приставка *за-* в таких фразеологизмах, как *забить ключом* (о жизни), *сыр-бор загорелся* (из-за чего)¹⁴. В первом случае оттенок начинательности рельефно вырисовывается на фоне бесприставочного соотносительного фразеологизма *бить ключом*. Во втором случае начинательное значение поддерживается тем, что соответствующий фразеологизм легко ассоциируется с однозвучным свободным словосочетанием, тем более, что приставка *за-* придает начинательное значение глаголам, обозначающим различные световые явления (*засверкала молния*, *засветился огонь*, *загорелся бор* и под.).

Отдельные глагольные фразеологизмы, связанные с обозначением конкретной деятельности или поведения человека, в соединении с приставкой *по-* передают оттенок неполноты проявления признака, т. е. содержат уменьшительно-ограничительные оттенки действия. Приставка *по-* здесь является не только грамматическим средством образования форм совершенного вида, но частично вносит изменение и в реальное значение глагольных фразеологизмов. Вот несколько литературных примеров. «Опохмелились, закусили и ласы поточили» (Лесков, Житие одной бабы); «—Теперь этот битог баклуши бьет, товарищ Мехова. Рад случаю поточить ласы» (Гладков, Цемент). По отношению к исходной форме *точить ласы* фразеологический дериват *поточить ласы* представляет собой новую фразеологическую единицу. Другими словами, такого рода производные образования являются семантической модификацией исходного фразеологизма.

В подобных случаях в структуре глагольных фразеологизмов грамматически господствующий компонент выполняет двойную функцию —

¹² См.: В. П. Жуков, Значение фразеологизма и значение слова, «Р. яз. в шк.», 1974, 3.

¹³ Об ассоциативной природе значений морфем см., например: В. М. Солнцев, указ. соч., стр. 113 и сл.

¹⁴ О семантической параметре приставки *за-* см.: Е. А. Земская, Современный русский язык. Словообразование, М., 1973, стр. 291 и сл.

предсказывает лексико-грамматическое значение фразеологической единицы и удерживает оттенки деривационного значения.

В самостоятельную группу объединяются также фразеологизмы, один из компонентов которых генетически восходит к уменьшительно-оценочным существительным¹⁵. В составе таких компонентов отыменного происхождения словообразовательный формант, как правило, утрачивает присущее ему значение (ср. *закидывать убочки* «осторожно намекать на что-либо с намерением разузнать обстановку», *закрывать лавочку* «прекращать чем-либо заниматься», *родиться в сорочке* «быть счастливым», *рыльце в пушку* «замешан в каком-либо нечестном деле» и т. д.). И все же в редких случаях на семантику фразеологизма непосредственное влияние оказывает словообразовательный элемент, несущий количественную или качественную характеристику (ср. *гусиные лапки* «всеобразные морщинки вокруг глаз», *заморить червячка* «слегка утолить голод», *пальчики оближешь* «очень вкусно» и некот. др.).

Итак, словообразовательные элементы (приставки, суффиксы) в структуре фразеологизма, как правило, лишены реального значения. По этой причине звуковые оболочки соответствующих морфем нельзя признать знаками. Знаковую функцию выполняют лишь те немногие морфемы (точнее, их звуковые оболочки), которые с равной степенью полноты сохраняют свое реальное значение. При этом усиление реального значения морфемы не сопровождается семантическим сближением компонента (в состав которого входит такая морфема) со словом.

Совершенно самостоятельное положение занимают фразеологизмы, в составе которых один из компонентов всем своим составом семантически соотносится (но не совпадает!) с соответствующими словами свободного употребления. Степень семантической самостоятельности компонентов здесь может быть самой различной — от едва уловимой до явно выраженной. В русском языке встречаются, например, наречные фразеологизмы типа *краем глаза видеть*, *краем уха слышать*, *во все горло кричать*, *со всех ног бежать*, *за семью замками прятать*, *в двух словах рассказать* и др. Отдельные фразеологизмы этого рода могли возникнуть в результате метафорического переосмысления свободного словосочетания. В структуре свободных словосочетаний эквивалентного состава, на базе которых возникли подобные фразеологизмы, например, слова *глаз* и *ухо* функционально связаны с глаголами *видеть* и *слышать*. В процессе фразеологизации, вызванном актом переосмысления всего наречно-глагольного комплекса, наречная часть семантически обособилась от своего глагола-конкретизатора. Общее значение наречных фразеологизмов *краем глаза (видеть)* «на короткий миг» (видеть) и *краем уха (слышать)* «вскользь, мельком» (слышать) не соотносится со смысловой структурой однозвучных слов (и их дериватов) свободного употребления *край*, *глаз* и *ухо*. И лишь глаголы *видеть* и *слышать* не изменяют своего лексического значения. И все же компоненты *глаз* и *ухо* в силу ассоциативной связи с глаголами-сопроводителями оказываются как бы функционально ориентированными в семантическом плане.

Известный интерес вызывают фразеологизмы типа *вертеться как белка в колесе* «находиться в беспрестанных хлопотах, суетиться», *биться как рыба об лед* «терпеть крайнюю нужду, бедствовать» и под. Общее значение этих фразеологизмов соотносится со значением слов *вертеться* «повора-

¹⁵ См. об этом: А. Г. Черкасова, О десемантизации уменьшительно-оценочных существительных в составе фразеологизма, сб. «Вопросы семантики фразеологических единиц», 1, Новгород, 1971.

чиваться из стороны в сторону; хлопотливо суетиться», *биться* «жить в тяжелой нужде и чрезмерном труде»¹⁶.

Создается впечатление, что семантическое сближение соответствующих фразеологизмов с глаголами свободного употребления осуществляется посредством глагольных компонентов. Но это не отвечает действительности.

Анализируемые фразеологизмы возникли в результате метафорического переосмысления таких свободных словосочетаний, в составе которых знаменательные слова употребляются в своих конкретных, первично-номинативных значениях: глагол *вертеться* означает «находиться в состоянии кругового движения», а глагол *биться* имеет значение «ударяться». Поэтому процесс фразеологизации подобных словосочетаний протекал равномерно, с одинаковой степенью затемнения (а точнее, денотативного смещения, деактуализации) слов, входящих в соответствующие свободные словосочетания. В результате метафорического переосмысления все компоненты утратили свое былое, системное значение. Например, глагольный компонент *биться* (в составе фразеологизма *биться как рыба об лед*) семантически неоднороден глаголу свободного употребления *биться* в значении «бедствовать», ибо в таком значении этот глагол не может сочетаться со сравнительной частью (*как рыба об лед*), которая еще не развила (а может быть, никогда и не разовьет) значение меры и степени.

Попутно отметим, что и тот и другой фразеологизм генетически восходят к свободному словосочетанию, построенному по модели «глагол + сравнительная часть». В составе данного словосочетания глагол выступает в качестве основания сравнения и может быть последовательно распространен наречиями меры и степени (ср. *биться сильно (очень сильно), как...; вертеться быстро (очень быстро), как...*, порождая тем самым компаративную цепь¹⁷).

Вследствие метафорического переосмысления рассматриваемых свободных словосочетаний основание сравнения (глагол) и объект сравнения (сравнительная часть) объединяются в одно целое.

Таким образом, в фразеологизмах типа *краем глаза (видеть)* и *биться как рыба об лед* соответственно именной компонент *глаз* и глагольный *биться* лишены семантической самостоятельности, не являются реальными носителями лексического значения и вследствие этого не в состоянии выполнять знаковую функцию.

Между компонентами внутри отдельных фразеологизмов нередко устанавливаются отношения противопоставленности или сходства (ср. *из мухи делать слона, ни пава ни ворона, ни рыба ни мясо, ни к селу ни к городу, ни свет ни заря, ни жив ни мертв, между жизнью и смертью, между небом и землей; маг и волшебник, метать громы и молнии* и под.).

Соответствующие отношения обусловлены семантической разобщенностью или, напротив, близостью слов, входящих в эквивалентное свободное словосочетание, на базе которого формируются эти фразеологизмы. В подобной семантической ситуации компоненты обладают некоторой знаковой предрасположенностью, но не в состоянии выявить знаковую функцию до конца. Такой способностью наделены лишь слова в структуре однозвучных свободных словосочетаний. Не случайно в фразеологизмах сходного компонентного состава порождаются совершенно различные значения, неоднородная смысловая структура. Сравним семантический строй фразеологизмов *между небом и землей* и *как небо и земля*. У первого

¹⁶ См.: «Словарь русского языка в четырех томах», I, М., 1957, стр. 106.

¹⁷ См.: В. М. О г о л ь ц е в, Устойчивые компаративные структуры в языковой системе, сб. «Системность русского языка», Новгород, 1973, стр. 20 и сл.

фразеологизма развились такие значения: 1) «без постоянного жилища, где придется жить»; 2) «далеко от реальной действительности (существовать)»; 3) «в состоянии полной неустroенности, неопределенности (быть)». Второй фразеологизм употребляется в значении «полная противоположность».

И лишь в составе фразеологизма *из мухи белать слона* «необоснованно преувеличивать что-либо» компонент *муха* способен при определенных условиях (на уровне, например, «потенциального» слова) передать нечто малозаметное, ничтожное, мелкое, а противопоставленный ему компонент *слон* символизирует нечто важное и значительное.

Нередко на почве семантического противопоставления компонентов создаются антонимические связи между одноструктурными фразеологизмами: *заваривать кашу* — *растлебивать кашу*, *легок на ногу* — *тяжел на ногу*, *легок на подъем* — *тяжел на подъем*, *не из робкого десятка* — *не из храброго десятка*, *при закрытых дверях* — *при открытых дверях*, *птица высокого полета* — *птица низкого полета*, *с закрытыми глазами* — *с открытыми глазами*, *с легким сердцем* — *с тяжелым сердцем* и др.

Эти примеры вместе с тем позволяют увидеть, что лишь в одном случае (*не из робкого десятка* «смелый, храбрый» — *не из храброго десятка* «неспелый, бояливый») противопоставляемые компоненты *робкий* и *храбрый* генетически восходят к языковым антонимам. Доля участия этих компонентов в образовании общего значения каждого фразеологизма очевидна.

Во всех других примерах противопоставляемые компоненты лишены смыслообразующей функции. В этом можно убедиться, если сопоставить смысловую структуру фразеологических антонимов со смысловой структурой антонимически противопоставленных слов свободного употребления. Так, фразеологизм *с закрытыми глазами* употребляется в значении «не осознавая цели, задачи; неосмотрительно», а противопоставляемый ему по смыслу фразеологизм *с открытыми глазами* означает «ясно, отчетливо сознавая цели, задачи; осмотрительно». Лексические антонимы *закрытый* и *открытый* в современном русском языке соответственно противопоставляются в следующих значениях: 1) «имеющий навес или покрытие; крытый» и «не имеющий навеса или покрытия»; 2) «такой, который не является доступным для всех» и «такой, который является доступным для всех, на котором могут присутствовать все желающие»; 3) «скрытый, не явный; внутренний» и «внешне заметный, не скрытый, не внутренний»; 4) «не оставляющий открытыми плечи, шею, руки; глухой» и «оставляющий обнаженным что-либо; глубоко вырезанный»¹⁸.

Ни с одним из этих значений (равно как и ни с одним из частных значений слов свободного употребления *закрытый* и *открытый*) семантически не соотносятся сами по себе анализируемые фразеологизмы.

Источником фразеологической антонимии в данном случае становятся слова *закрытый* и *открытый* в их свободном применении. Действительно, в составе свободных словосочетаний *с закрытыми глазами* и *с открытыми глазами* слово *закрытый* употребляется в значении «имеющий покров, не оставляющий открытым что-либо», а противоположное ему по смыслу слово *открытый* означает «не имеющий покрова, оставляющий открытым, обнаженным что-либо».

В результате антонимического взаимодействия компонентов возникает довольно противоречивая семантическая ситуация. С одной стороны, компоненты *закрытый* и *открытый* вследствие метафорического переос-

¹⁸ См.: Н. П. Колесников, Словарь антонимов русского языка, Тбилиси, 1972, стр. 134.

мыслиния внешне совпадающих свободных словосочетаний подвергаются деактуализации, утрачивают смыслообразующую функцию, перестают предсказывать общее значение фразеологизмов; с другой стороны, те же компоненты порождают фразеологическую антонимию, вследствие чего оживают их словесные свойства.

Еще большей семантической самостоятельностью и определенностью наделены такие компоненты, которые сохраняют некоторое вещественное сходство, подобие в смысловой структуре различных фразеологизмов. Таков, например, компонент *капля*, являющийся неотъемлемой частью фразеологизмов *капли в рот не брать* и *капля в море*.

Фразеологизм *капли в рот не брать* означает «вовсе не пить спиртного», а фразеологизм *капля в море* имеет несколько значений: 1) «ничтожно малое количество по сравнению с тем, что необходимо»; 2) «крайне незначительное обстоятельство, пустяк по сравнению с чем-либо».

Эти фразеологизмы резко расходятся в лексико-грамматическом отношении: первый из них является глагольной фразеологической единицей, а второй — именной. Расходятся они и в собственно семантическом плане, ибо отражают разные сферы действительности, разные денотаты. И тем не менее у того и другого фразеологизма компонент *капля* с разной степенью отчетливости выступает в качестве общего элемента фразеологического значения. В первом фразеологизме компонент *капля* добавляет к общему фразеологическому значению семантический признак интенсивности (различителем этого признака в нашем развернутом речеописательном толковании «вовсе не пить спиртного» служит наречие меры *вовсе*), во втором фразеологизме компонент *капля* становится смысловым стержнем, пронизывающим все частные значения.

Одним словом, компонент *капля* в семантической структуре анализируемых фразеологизмов распространяет смысловой сигнал и становится символом минимального количества чего-либо. В этом качестве соответствующий компонент обнаруживает семантическую близость с одним из частных значений слова *капля* в свободном употреблении (со значением «самое малое количество чего-либо») ¹⁹.

Можно объединить в особый разряд фразеологизмы, один из компонентов которых выполняет смыслообразующую функцию. Соответствующие компоненты наделены относительно высокой степенью семантической самостоятельности и являются смысловым центром фразеологизма ²⁰. Сюда относятся прежде всего фразеологизмы типа *на скорую руку*, *по пьяной лавочке*, *от молодых ногтей* и т. д. Так, общее значение фразеологизма *по пьяной лавочке* «в пьяном виде, в состоянии опьянения» отчетливо соотносится по смыслу со словом свободного употребления *пьяный* (не трезвый) и другими однокоренными словами (*пьянеть*, *пьяница*, *пьянство* и т. д.). Это означает, что компонент *пьяный* в составе анализируемого фразеологизма является смыслообразующим.

На периферии фразеологической системы размещается сравнительно небольшой класс фразеологизмов, в составе которых каждый компонент в отдельности семантически соотносится (но не совпадает!) с периферийными значениями одноименных слов свободного употребления. Подобного рода смыслообразующие компоненты обладают достаточно высокой семантической самостоятельностью и приблизительно с одинаковой степенью активности участвуют в формировании общего (глобального) значения фразеологизма (ср. *отбивать хлеб (у кого)*, *находить общий язык (с кем)*,

¹⁹ «Словарь русского языка в четырех томах», II, М., 1958, стр. 36.

²⁰ Об этом см.: В. П. Ж у к о в, О смысловом центре фразеологизмов, сб. «Проблемы фразеологии», М.—Л., 1964.

поднимать голос, добывать дроб и немногие другие]²¹. В силу семантической раздельности компонентов соответствующие образования находятся на грани перехода в разряд фразеологических сочетаний.

Из сказанного ранее можно заключить, что чем выше смыслообразующая активность компонентов (а эта активность может вызываться разными причинами, например, действием притягивающих и отталкивающих семантических импульсов внутри фразеологизма), тем ближе такие компоненты к словам полного значения и тем активнее проявляются знаковые свойства у таких компонентов. И наоборот.

Компонент (вернее его звуковая оболочка) становится полноценным знаком лишь тогда, когда он начинает отражать внеязыковую действительность, т. е. превращается из семантически несамодостаточной величины в семантически полноценную, самодостаточную. При таком условии происходит распад целостного значения фразеологизма (если он имеет двучленное строение), переход его в своеобразную единицу микроконтекста.

Смыслообразующие компоненты являются лишь потенциальными, а не реальными знаками (переход их в реальные знаки может осуществиться, а может и не произойти). Чем больше смыслообразующих компонентов в структуре фразеологизма и выше их смыслообразующая активность, тем ярче и отчетливей знаковая ситуация. Справедлива и обратная зависимость: чем меньше смыслообразующих компонентов и ниже их смыслообразующая активность, тем слабее знаковая ситуация, тем полнее знаковую функцию проявляет не компонент (или компоненты), а фразеологизм в целом.

Хотя компонент (точнее его звуковая оболочка) и не является подлинным знаком, так как семантически не актуализируется в речи, тем не менее он участвует в выражении фразеологического (актуального) значения. Здесь компонент служит своеобразным строительным материалом знака.

Знаковую функцию способна выполнить лишь такая сложноорганизованная единица с целостным значением, в составе которой ее элементы лишены (полностью или частично) предметной (денотативной) направленности. В этом случае, как уже упоминалось, внеязыковую действительность отражает фразеологическая единица всем своим составом одновременно, так что отдельные компоненты при создавшейся языковой ситуации могут опускаться без нарушения семантического тождества фразеологизма: *ни в зуб ногой толкнуть* («не смыслить») → *ни в зуб ногой* → *ни в зуб*.

Соответственно не обладают свойством обозначения такие воспроизводимые словесные комплексы (точнее их звуковые оболочки), в составе которых каждое слово-компонент раздельно направлено на реальную действительность. Сюда относятся различного рода сентенции, ходячие цитаты из литературных произведений, фразеологические сочетания и другие воспроизводимые образования аналитического характера²².

Следовательно, воспроизводимость (регулярная повторяемость) не является основной причиной фразеологизации. Фразеологизация — следствие глубоких семантических процессов, вызванных прежде всего метафорическим переосмыслением свободных словосочетаний эквивалентного состава. Поэтому фразеологическое значение в плане отражения внеязыковой действительности однородно переносным значениям слов типа *ворона* «зевака, ротозей», *колпак* «недалекий человек, простака», *мешок* «неповоротливый человек» и т. п. В значениях соответствующих слов (как и в фразеологическом значении) содержится не единичное, а обобщенное отражение предметов реальной действительности.

²¹ См. об этом: В. П. Жуков, Способ фразеологической аппликации и классификация фразеологического материала, сб. «Системность русского языка».

²² Ю. С. Маслов подобные образования относит к знакам-информаторам наряду с морфемами и словами (указ. соч., стр. 113).